

Dr Natalia Sanżarewska-Chmiel

Wydział Humanistyczny

Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach

Tomasz Chmiel

Wydział Prawa i Administracji

Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach

Памяти Владимира Проппа: о славянских традициях и русских аграрных праздниках.

The article is dedicated to one of the most prominent Russian researches, Vladimir Propp. It concentrates on his ethnographical work on Russian agricultural celebrations. The article also contains a short reference to Polish folk traditions which bare common to all Slavic people traits. The aim of the article is to show, that some works never get outdated.

Key words: Vladimir Propp, Russian agricultural celebrations, Polish folk traditions, Slavic traditions, comparative-typological method in folklore.

Artykuł poświęcony jest jednemu z najbardziej znanych rosyjskich badaczy, Władimirowi Propp. Koncentruje się na pracy etnograficznej o rosyjskich obchodach rolniczych. Artykuł zawiera również krótkie odniesienie do polskich tradycji ludowych, które są wspólne dla wszystkich słowiańskich kultur. Celem tego artykułu jest pokazanie, że niektóre prace nigdy się nie dezaktualizują.

Słowa kluczowe: Władimir Propp, Rosyjskie uroczystości rolnicze, polskie tradycje ludowe, słowiańskie tradycje, porównawcza Metoda typologiczna w folklorze.

За поледнее столетие идея научного развития фактически стала основой практически каждой научной дискуссии, а любая дискурсия – это спор. Чтобы такой спор был продуктивен, ему необходимы авторитетные мнения. Даж если такое мнение полностью противоречит позиции автора, оно просто необходимо для достиженя я истны. Если говорить о гуманитарных науках, то они являются одними из самых протеворечивых, где мнения учёных разлкихных эпох, зачастую, бывают полностью противоположными по отношению друг к другу. Несмотря на это, исследователи вынужденвы обращаться к мнению своих предшественников, как основе создания дискурса. Именно такие отсылки создают так называемое «авторитетное мнение». Успех личности в науке часто выходит за рамки его поля деятельности, приводя к ассоциации ученого с технологией, школой или дисциплиной. Выводы такого ученого могут быть устаревшими, но из-за потенциала его характера, который представлен в его работе, его авторитет может только расти. Как пишет в своей статье С.Б.Адоньева:

Причина, вследствие которой слово учёного становится авторитетным и подлежит цитированию даже тогда, когда его научная система стала объектом «археологии гуманитарных наук» лежит в области личностных характеристик...Способность к метаноие (умоперемене), как черта личности, реализуется в научной деятельности как прорыв за рамки зачастую самим же учёным созданного метода, школы, дисциплины. Открытия такого учёного могут устаревать, но в нём самом, в потенциале его личности, представленной в его трудах, потребность будет только увеличиваться (С.Б. Адоньева: <http://www.folk.ru/Person/propp.php?gubr=propp>).

Именно к таким фигурам, определившим науку на долгие годы вперёд и относится Владимир Яковлевич Пропп, выдающийся российский, советский учёный с мировым именем, филолог-фольклорист, основоположник сравнительно-типологического метода в фольклористике, один из основоположников современной теории текста. Как многие талантливые люди, учёный родился слишком рано и признание его заслуг пришло к нему только под конец жизни. Следует отметить, что бóльшую популярность его исследования сначала преобрели в США и Европе, а уже потом на родине. Самые известные его работы - *Морфология русской сказки* (1928), *Исторические корни русской сказки* (1946), *Русский героический эпос* (1958), *Русские аграрные праздники* (1963); кроме того, вышло большое количество статей, посвящённых различным вопросам фольклористики, теории и истории литературы. В связи с этим стоит напомнить основные веки жизненного пути исследователя.

Жизненный и творческий путь В.Я.Проппа

Родился Владимир Яковлевич 17(29) апреля 1895 года в Санкт-Петербурге в семье поволжских немцев. Его отец, Яков Филиппович Пропп (1858-1919), проживавший в селе Гуссенбах (в наше время известное как село Леднёво в Волгоградской области) был из числа зажиточных поволжских крестьян. С 1914 по 1918 гг. В. Пропп был студентом филологического факультета Петроградского университета, где изучал русскую и германскую филологию. Свою педагогическую карьеру связал с немецким языком, который впоследствии преподавал в ленинградских вузах. После окончания университета Пропп остался в Петрограде (в последствии Ленинграде, теперь Санкт-Петербурге), не часто навещал семью, которая с 1917 вплоть до 1929 гг проживала в своём небольшом имении на хуторе Пропп. Владимиру Яковлевичу удалось вырваться к больному отцу в конце 1918 года, а в марте 1919 г. его отец скончался, и Пропп приехал уже на его похороны. Чтобы помочь семье в трудную минуту, он на какое-то время остался на хуторе, работал в поле и даже устроился временно школьным учителем в деревне Голый Карамыш, находящейся в 70 километрах от хутора. Однако вскоре вернулся в Петроград.

Женившись, Владимир летом 1923 года приезжает в имение с молодой женой. На хуторе тогда проживала его мать, вдова Анна Пропп, с дочерью Оттилией и зятем Робертом Шварцем. Как и многие другие зажиточные семьи, семья Пропп попала под раскулачивание в декабре 1929 г. Хотя Владимир и пытался уговорить мать во время летнего отпуска продать или хотя бы сократить хозяйство, ему это не удалось, и через полгода всё поместье Анны Фридриховны было передано колхозу им. Сталина при Гуссенбахском сельсовете.

Вернувшись в Ленинград, Пропп посвящает свою жизнь преподавательской и научной деятельности. С 1932 года он преподаёт в Ленинградском университете (ЛГУ) сначала на романо-германской филологии, потом на кафедре фольклора, а ещё позже - русской литературы. В 1937 году становится доцентом университета, а с 1938 - профессором. На кафедре русской литературы он трудится до 1969 года, а в период с 1963 по 1964 является исполняющим обязанности заведующего кафедрой. В 1949 году Пропп переходит на кафедру этнографии и антропологии исторического факультета, где и работает до 1952 года. Скончался Пропп в возрасте 75 лет, 22 августа 1970 года в Ленинграде и похоронен на Северном кладбище.

После опубликования нескольких статей в Ленинграде в 1928 году, появляется его знаменитая книга *Морфология сказки*, которая не была воспринята положительно советской наукой и на протяжении 30 лет оставалась известной довольно узкому кругу специалистов. В этой работе В. Пропп предложил рассматривать сказку как некую структуру, выделив её постоянные основные элементы. Считается, что именно этим он положил начало структурно-типологическому изучению наррации. Не смотря на сдержанную реакцию на эту работу научной общественности, Пропп продолжал свои исследования. Вскоре были опубликованы ещё две его значимые научные работы: «Исторические корни волшебной сказки» (1946) и «Русский героический эпос» (1955), благодаря чему Пропп приобретает репутацию учёного-фольклориста. А последняя из вышеуказанных работ дождалась второго издательства в 1958 году, что говорит о её популярности. Вообще, 1958 год стал важным годом в карьере Проппа ещё и потому, что в США выходит английский перевод его книги «Морфология Сказки». Именно там эта книга получила заслуженную популярность, переиздавалась несколько раз и была переведена на другие языки, став популярной и в Европе, особенно во Франции и Германии. Такая мировая известность объясняется периодом широкого распространения идеи структурализма (1950-1960), а именно структурно-семиотических методов, и появления ранней версии порождающей грамматики. Научные труды Проппа стали основой для формирования в 1960-е годы теории текста и нарративного анализа, привлекая к себе внимание не только фольклористов, но и литературоведов и этнологов, таких как К.Леви-Строс, А. Греймас, С. Бермон и многих других.

Ещё одна монография Проппа, известная под названием «Русские аграрные праздники», вышла под этим названием в 1963 году. До этого в ежегоднике Музея истории религии и атеизма, в 5 номере за 1961 год выходит статья под названием «Исторические основы некоторых русских религиозных празднеств», которая представляет собой сокращённую, как бы «черновую» версию вышеупомянутой монографии. «Русские аграрные праздники» были также высоко оценены за рубежом, так как, в отличие от предыдущих работ, посвящённых таким праздникам, как Масляница, Семик, Ивана Купала, Пропп подвергает их анализу одновременно, выделяя общие черты, доказывая, что в их основан лежит аграрный характер, а не славянские верования.

Кроме вышеупомянутых работ перу Проппа принадлежат и многочисленные статьи. Хотелось бы назвать хотя бы некоторые из них, так как они тоже представляют большой научный интерес. В 30-е годы выходят работы «Фольклор пролетариата» (1936), «Книга по истории немецкой фольклористики» (1936), «Сравнительная морфология и её метод» (1938), «Мужской дом в русской сказке» (1939). Вовремя II мировой войны выходит работа «Эдип в свете фольклора» (1944).

Самая большая творческая активность Проппа приходится на вторую половину жизни Владимира Яковлевича. В 50-е годы появляются такие работы, как «Белинский о народной поэзии» (1953), «Молодой Добролюбов о народной песни» (1957), кроме того Пропп пишет рецензии и предисловия к книгам А.Н. Афансьева, В.И. Малышева, П.Г. Богатырёва. Но больше всего Пропп печатается в 60-е годы, что связано с его популярностью, с пришедшим к нему наконец-то заслуженным признанием. Стоит отметить следующие работы: «А.И. Никифоров и его «Севернорусские сказки»» (1961), «Об историзме русского эпоса» (1962), «Пётр Дмитриевич Ухов» (1963), «Труды академика Ив. Ив. Толстого по фольклору» (1966), «Об историзме фольклора и методах его изучения» (1968). Кроме того, он пишет рецензии к работам Б.Н. Путилова, Джузеппе Коккьяра, К.Б. Чистова.

Следует также отметить огромную работу, которую Пропп проделал совместно с М.Я. Мелец, по составлению библиографии по русскому фольклору, которая последовательно выходила с 1959 по 1970 гг., представляя полную картину фольклористических исследований в Советском союзе с 1952 по 1968 гг. Библиография напечатана в Германии в 8 томах, первый том публикуется в Бале, а все последующие в Бонне.

К сожалению, не все работы Проппа увидели свет при жизни учёного, да и то на протяжении 20 последующих лет, вплоть до 1990 г., работы Проппа не переиздаются. Стоит упомянуть вышедшие в 1976 году при содействии и под редакцией его ученика Б.Н. Путилова исследования по фольклору и мифологии Востока объединённых под названием «Фольклор и действительность: Избранные статьи». И только начиная с 90-х, научные труды Проппа начинают активно переиздаваться. Кроме того, выходят ранее не публиковавшиеся открытые лекции и, кроме того, такие работы, как «В.Я. Врубель и фольклор» (1990) и «Проблемы комизма и смеха. // Ритуальный смех в фольклоре» (1999). Наконец в 2002 году в Москве вышло полное собрание трудов

Владимира Проппа, но многие из вошедших в сборник работ учёного до сих пор не переведены на другие языки. С тех пор мир увидело ещё несколько переизданных трудов автора, конечно, данный перечень трудов Проппа далеко не полный, так как научное наследие Проппа велико, а вклад в развитие фольклористики, этнографии и литературоведения огромен.

«Русские аграрные праздники» в этнографии

Книжка В.Я. Проппа «Русские аграрные праздники» была издана в 1963 году в университетском издательстве ЛГУ (всего одна тысяча экземпляров) и очень быстро стала библиографической редкостью и настольной книгой русских фольклористов. В «Дневнике старости 1962» учёный пишет о неблагополучии в науке и падении уровня научной жизни. «Нормальная жизнь учёного - не от слабости других, а от достижений. Я должен знать, что достигли другие, и сам встать в их ряд. Иначе получается непродуктивная жизнь.» (В.Я. Пропп 1995, 1: 310). Говоря о споре с Леви-Строссом, он пишет: «Работать я не могу столько, как они, не могу быть на уровне того, что знают в Европе и Америке, потому что библиотеки не могут снабдить нас тем, что надо» (В.Я. Пропп 1995, 1: 310).

Монография «Русские аграрные праздники» отличается от других исследований тем, что те, кто занимался изучением этой проблемы, обычно обращались к ритуалам определённого типа или цикла. В.Я. Пропп же рассматривает сценарии праздников всего календарного года одновременно, выделяя среди их многообразия «героев» и участников общие, сходные черты и функции, и их варианты. Он раскрывает их в гаданиях, праздничных обычаях, ритуальных трапезах, песнях и забавах молодёжи, в поведении других возрастных групп. Выбрав для рассмотрения период от зимнего солнцеворота до осеннего равноденствия, где сконцентрировано большинство праздников, он тщательно анализирует символику и ритуалы праздников, приходя к выводу, что все они связаны с символизирующим праздник антропоморфным существом: куклой из соломы, цветов, травы; украшенным деревцем, а иногда украшенной цветами девушкой. В этом всём разнообразии он увидел ритуал принесения в жертву, растерзания, убийства, сожжения этого существа, или иногда просто иммитацию его смерти, результатом которой становится возрождение его в растительности, особенно в злаках. Такая иммитация смерти просматривается в проводах масленицы, и в поминовении усопших родителей на пасхальной неделе, и

даже в обрядах в Русальную неделю, которые проводили девушки с берёзкой, в обычаях зажигания «нового» огня на Ивана Купалы и многих других.

В монографии учёный сопоставляет русские календарные ритуалы, выделяя повторяющиеся элементы:

При сравнении праздников между собой обнаружится, что частично они состоят из одинаковых слагаемых... Эти составные части необходимо определить, выделить и сопоставить... Изучив составные элементы, нетрудно будет восстановить и изучить весь ход каждого праздника уже на более широкой и углублённой основе.

(В.Я.Пропп 1995, 2: 12).

Сформулировав таким образом основную задачу своего исследования, он располагает материал не по праздникам, а по ритуалам (пищевой, растительный, эротический) и определяет основные составляющие структуры аграрных праздников.

Пропп берёт ритуалы и традиции, ещё существующие или до недавна существовавшие в центральной, северной и южной России, а также заимствованные от соседствующих народов, в основном угоро-финских. Пропп оставляет без внимания вопрос о различном внешнем виде существ, а сосредотачивается на моментах праздников, связанных с магией. Святочная трапеза, например, посвящена поминовению предков, этому же посвящены и костры из соломы во дворах, а вот традиция, связанная с игрой в святочного «умруна» на посиделках молодёжи - более поздняя традиция, так как это уже игра.

Кроме того, Пропп отмечает, что в русских аграрных прздниках

...боги умирали не сами собой, их убивали... В русских обрядах никакого празднования воскресения нет. Праздник состоит не в воскресении, а в умерщвлении... Божество воскресает не во плоти, оно воскресает в растительности... Русский обряд по своей идеологии и по своим формам архаичнее, чем восточные и античные культы... (В.Я. Пропп 1995, 2: 98),

хотя «в русских аграрных ритуалах какая-то связь между представлением о воскресении из мёртвых и о произрастании злаков есть», но это «смутные и несколько неопределённые представления.» (В.Я. Пропп 1995, 2: 98).

Выводы, к которым приходит Пропп в этой монографии, на столько точны, что не только не обсуждаются среди учёных, но и во всех последующих исследованиях, посвящённых праздникам учёные, считают необходимым давать ссылку на Пропа: «Святочный умрун, чучело масленицы, троичная берёзка, Кострома, Иван Купала - не

божества, им не возводили культов, нет никаких признаков, что в их честь воздвигались храмы.... Но если уничтожаемые существа не принадлежат к числу божеств, то кто же они?» (В.Я. Пропп 1995, 2: 108). Отвечая на вопрос, учёный полемизирует с Дж.Фрэзером, который употребляет термин «духи растительности». Пропп считает, что дело не в «духе», а в «силе» и что русская архаичная культура - это культура сил. Объясняя это на примере, автор указывает на дерево как воплощение силы. Сила отделяется от дерева и антропоморфируется, после чего является нам одновременно в образе человека и дерева.

Функцию календарных обрядов Пропп видел в:

... организации циркуляции «сил» от объектов, в максимальной степени ими наделённых в тот или иной момент времени к объектам, в возрастании силы которых заинтересованы организаторы ритуала. Механизм, посредством которого это достигается, учёный видит в имитации действительности, которая должна вызвать изображаемую действительность к жизни. Таким образом, в вопросе о функции он остаётся приверженцем «трудовой» теории, в соответствии с которой обряды служат производственным целям, а не целям символизации социальных процессов. (В.Я.Пропп 1995, 2: 108).

Кроме того, интересным является тот факт, что, по мнению Проппа, такой ритуал обращён всегда в будущее, его задача состоит в символическом изображении некой желаемой ситуации и передаче этого изображения через определённые символические действия (поедания, захоронения, сожжения, подбрасывания и др.) объекту ритуала.

В предшествующей этой работе статье «Ритуальный смех, а фольклоре», как и в самой монографии, учёный отмечает особый характер ритуального смеха, который всегда сопровождал ритуальное умерщвление:

На русском материале мы не имеем плача на похоронах и смеха при воскресении, мы имеем их смешение: одни имитируют плач, другие одновременно скачут и смеются. Смех имеет целью обеспечить убиваемому существу новую жизнь и новое воплощение... Сюда же можно отнести и другие известные из этнографии факты смеха при похоронах, внезапный переход от плача к смеху на Радуницу, смех на могилах в праздник всеобщего воскресения. Воскресенье природы и воскресение божества означает, что мёртвые не умерли. (В.Я.Пропп 1995, 2: 113).

Таким образом Пропп, считает Э. Каман, сумел раскрыть «эмбивалентную природу архаического карнавального смеха» (Э. Каман 1999: 265). В своих многочисленных работах о сказках и в книге «Проблемы комизма и смеха» (1963) он описал не только историю, но и природу комических форм.

В структуре праздника Пропп подчеркнул связь с прошлым и одновременно с этим устремлённость в будущее, сложную временную парадигму праздника. Она не всегда полностью и явственно выражена в каждом случае в рассмотренных в книге обрядах, обычаях, фольклоре. Однако восстановленная учёным парадигма праздника помогла увидеть древнюю основу аграрной религии и магии восточных славян на её ранней, ещё добожеской стадии.

Стоит отметить, что некоторые элементы системы, выведенной Проппом, можно проследить не только у восточных славян, но и других представителей славянских народов. Для примера, Польша, в которой, в отличие от России, Украины и Белоруссии, преобладает католицизм, также удалось частично сохранить языческие аграрные обряды. Рассмотрим лишь несколько примеров. Зимний праздник Мажанны, как и россской Масляницы, включает в себя обряжение соломенной куклы, стой только разнецей, что Мажанну топят, а не сжигают.

Ассоциация природных сил с девичьей красотой, о чём мы писали выше, прослеживается в пасхальной традиции Смингус-Дынгус. По сохранившейся до наших дней традиции, красивых дедушек поливали водой на пасхальной неделе, но, как отмечает Э. Мотыль (E. Motyl <https://nienadowka.jimdo.com/swieta-ludowe/>), в прошлом самых красивых девушек, бывало, кидали в ручей или реку.

Использование деревьев и растений появляются в Польше во время Зелёных Святок, где процесс «majenia» предусматривает украшение дома и всех хозяйственных строений зелёными ветками. Традиция Виха, или Веха, предусматривает обряжение дерева, только в отличие от восточных соседей, для этих целей обычно выбиралась ель. Цветы и травы использовались на Ивана-Купалы, когда девушки пускали на воду венки, а также на Matki Boskiej Zielnej (буквально - Богоматерь трав) или Успение, когда освящённые букеты приносились домой.

Можно сказать, что монография подтвердила правильность системного изучения явлений культуры, начатого ещё в «Морфологии сказки». Немногочисленные экземпляры этой книги дали мощный импульс к изучению традиционной культуры, содействовали появлению многих исследований о мифах, ритуалах и фольклоре: книги Е.М. Мелетинского об архетипах, героях эпоса и сказки, А.К. Байбурина о переходных обрядах и традиционной культуре, В.И. Ерёмовой о семейных обрядах и многих других.

Этот интересный опыт исследования вербальных текстов использовали и литературоведы, что в свою очередь, породило многочисленные исследования мифологических мотивов в литературе.

Огромная эрудиция В.Проппа, его подходы к анализу текстов культуры, прежде всего, сказки, смелость его ассоциаций и сопоставлений, вообще оригинальность мышления и сегодня поражают воображение учёных, а его научные труды всё ещё находятся в числе актуальных.

Библиография

Адоньева С.Б., «Владимир Яковлевич Пропп 17(29) апреля 1895 - 22 августа 1970», в: *Русский фольклор в современных записях*.

<http://www.folk.ru/Person/propp.php?rubr=propp> (dostęp: 2.02.2019)

Каман Э., *Парадигма праздника в трудах В.Я. Проппа и М.М. Бахтина*, *Studia Mythologica Slavica* II, Hungary 1999, с. 261-273.

Каман Э., *Проблема литературного анализа в ранних работах Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова.*, *Studia Slavica Hungary*, 1971

Пропп В.Я., 1. *Дневники 1962-196...* *Russian Studies* 1995, Vol. №3 pp. 299-350

Пропп В.А., 2 *Русские аграрные праздники.*, Санкт-Петербург, 1995.

Пропп В.А., *Исторические корни волшебной сказки*, Ленинград, 1946.

Пропп В.А., *Фольклор и действительность.*, Москва, 1976.

Пропп В.Я., о фольклоре и фольклористике. из сборника *Фольклор. Литература. История. Труды.*, Москва, 2002.

Пропп В.Я., *Морфология волшебной сказки.*, Москва, 2001

Пропп В.Я., *Эдип в свете фольклора.* из сборника *Фольклор. Литература. История. Труды.*, Москва, 2002

Gilet P., *Vladimir Propp and the Universal Folktale: Recommissioning and Old Paradigm – Story as Initiation.*, Berlin 1999

Motyl E., „Święta i obrzędy ludowe”, <https://nienadowka.jimdo.com/swieta-ludowe/> (dostęp: 10.02.2019)

Segal R., *Structuralism and Myth: Levi-Strauss, Barthes, Dumézil and Propp (Theory of Myth)*. Garland Press, 1996.

Warner E.A., *Vladimir Propp, 1895-1970: The Study of Russian Folklore and Theory*. Hull
1999.